

ЕВГЕНИЙ
ЧИЖОВ

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

ИЗ

ПЕРЕПИСКИ

С САМИМ

СОБОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44
Ч59

Художник Андрей Рыбаков

В оформлении переплета использована фотография
из личного архива автора

Чижов, Евгений Львович.

Ч59 Избранные места из переписки с самим собой : эссе, рассказы / Евгений Чижов; предисл. А. Чанцева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 284, [4] с. — (Культурный разговор).

ISBN 978-5-17-190987-1

Евгений Чижов (1966–2025) — прозаик, автор многих книг, среди которых «Перевод с подстрочника» и «СобираТЕЛЬ рая»; лауреат премий «Ясная Поляна» и «Венец», дважды финалист «Большой книги». В сборник «Избранные места из переписки с самим собой» вошли тексты, написанные в разные годы и объединенные темой времени, которое ломает и выплавляет людей.

Рассказы и эссе Евгения Чижова — это хроника столкновения человека с эпохой, которая разламывает судьбы, но порой дарит редкие мгновения прозрения. Он писал о тех, кто оказался на обочине жизни, о потерянных поколениях и о том, как из обломков рождается подлинная свобода.

УДК 821.161.1-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

© Чижов Евгений, наследники
© Чанцев Александр, предисловие
© Рыбаков А. И., художественное
оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-190987-1

Содержание

Жизнь на текучем песке. *Александр Чанцев* 7

ЭССЕ

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С СА-	
МИМ СОБОЙ	21
О ВРЕМЕНИ И СТАРОСТИ	40
МОИ ДЕВЯНОСТЫЕ	58
ЛИТЕРАТУРА И ВОКРУГ	78
ШТРИХИ К АВТОПОРТРЕТУ	97

РАССКАЗЫ

АЛИНА (ПАМЯТИ ДЕВЯНОСТЫХ)	121
КРОВЬ И СУДЬБА	171
РЕВНОСТЬ	230
БОЛЬ	257

Жизнь на текучем песке

Мне очень не хочется писать это предисловие к посмертной книге Жени. Даже сейчас, через год после его трагической гибели в августе и накануне его 60-летия, где-то на дальних горизонтах мысли и надежды мнится, что, может, те волны и та смерть были не на самом деле? Нет, конечно, Женя не стал бы так дико шутить, но — «Самоубийцы и другие шутники» называлась его последняя книга — пошутило что-то еще? Какой-то тайный заворот нашего тревожного времени?

Ведь, в конце концов, Женя всю жизнь писал именно о таких грозных — но в его исполнении даже трагикомических — складках эпохи. Писал — о времени, о том, как оно разламывает и(ли) выплавляет людей. О том, как люди барахтаются в своей эпохе, выплывают («Учитесь плавать!» — знаменитый призыв Евгения Головина вспоминает он и в этих своих эссе) или, при всем параде веселого падения, идут вниз, на самое дно.

Предисловие

Его романы и рассказы из девяностых — и есть такая подводная съемка. Своих друзей, знакомых и самого себя (поколения — слишком громко, пожалуй, хотя и верно), невольных лакмусовых бумажек эпохи. Они, совершенно без пафоса, как сейчас говорят, да и без особого желания и согласия на этот подвиг — кому же хочется быть мухой в янтаре? — передавали своими яркими, экстравагантными или, наоборот, тихими и подземными жизнями гул эпохи. «За это и за прививку хаоса, крушения, отчаяния, потерянности, после которой я никогда уже не мог удовлетвориться одними книжными знаниями о жизни, — я благодарен “моим” девяностым».

Да, можно совершенно справедливо возразить, практически все писатели пишут о времени, о самом ярком из повстречавшихся им исторических этапов, о своей вражде, дружбе или удачном союзе с этим временем. Но все же для Евгения Чижова это было несколько иначе, немного важнее, что ли. И я не говорю тут даже о каких-то психологических задачах, решаемых им индивидуально («независимость: необходимость жить вне общества, в вымышленном пространстве текста», «возможность предложить людям вместо себя то, что лучше меня, и в то же время я *at my best**. А самому расслабиться, избавившись от необходимости постоянно себя доказывать» и еще несколько пунктов из его в столбик списках «возможностей и преимуществ, которые дает литература»), и о маячивших целях («для меня

* В лучшей форме (англ.). (Здесь и далее примеч. ред.)

важнее, чем бессмертие, и тем более чем успех, борьба за смысл, добыча смысла из руды своего времени»). Я говорю сейчас о той своеобразной практике, практически религиозного свойства, которую он реализовывал в своем писательстве. «Эта рефлекторная, как слюна у собаки Павлова, потребность нравиться всем, быть признанным всеми, неизбежно влекущая за собой нелепую зависимость от мнения первого встречного! Когда удастся преодолеть эту собачью зависимость, прикинуться никем в глазах тех, для кого писатель репрезентативная фигура, чувствуешь себя поднявшимся на более высокую ступень эволюции. Следующая ступень — быть никем и для себя. Быть непрофессионалом, то есть жить всерьез». Не относиться ни к себе, ни к своим книгам, даже к тому и тем, о ком они, всерьез — это, по Чижову, самое серьезное, что может быть. Так и только так можно избежать не только излишнего пафоса, позы и прочего затвердевшего, склонного к переплавке в бронзу, но и достичь той необходимой дистанции, свободы, непривязанности и, главное, самоумаления, что только и дают возможность настоящего взгляда и настоящего запечатления. Умалиться, чтобы услышать голоса других и рокот эпохи. Стать никем, чтобы попытаться стать кем-то, хотя бы — очень внимательным и вдумчивым скриптором эпохи. «Шанс достичь своего максимума, прыгнуть выше себя, удивить самого себя».

Женя в этих эссе вспоминает о вечере у Наймана. «Он говорит: “Я человек, переживший свое время”. Что ответить на это мне, у которого своего

Предисловие

времени никогда не было? Даже представить себе не могу, чтобы какое-то время я мог бы назвать моим. При всех минусах у этого есть все-таки один плюс: стать пережившим свое время мне не грозит». И именно эта невписанность, нахождение в стороне, осознание своего выпадения из времени, невозможности стать его частью позволяли, кажется, Жене писать в своих книгах о времени и его персонажах так, что их читали люди из тех же девяностых, из той же тусовки и страты и крикали: а ведь действительно так, черт возьми. Да и не из тех кругов тоже постепенно погружались и влюблялись в эти книги, которые и не были — точно не темперамент Жени — рассчитаны на фурор, скандал, на признанный документ эпохи и вообще что-либо громкое и довольно общественное.

Это ведь были — тихие книги. Тот тихий голос человека, которого забивают другие голоса, а если дать себе труд прислушаться, то — вот им-то и было сказано что-то действительно верное, в десятку, вскрыт какой-то такой нерв, который очень многое на самом деле-то и объясняет.

И поэтому же, кстати, мне не то что больше нравится — они слишком другие, — но ближе не довольно громкий «в узких кругах» и даже вне их, почти Женин хит, премированный «Перевод с подстрочника», а более камерный «Собиратель рая». Если «Перевод» — об абсурде власти, о том Другом, что как раз и оказывается тотально другим, чужим и в конце концов уничтожает тебя, то есть о внешнем, то «Собиратель» — это именно о сохранении (тема барахолки, куда ходит герой) эпохи, людей, их

таких маленьких жизней, о работе памяти (автобиографический мотив теряющей память матери героя). О том, в конце концов, что «мы жили в бесконечном приближении, воздух нашей страны был воздухом бесконечности! Мы жили вне истории — и прекрасно без нее обходились. Не замечая этого, мы жили в вечности: пили, блудили, валяли дурака, травили анекдоты. А что еще делать в вечности, как не травить анекдоты? Вся страна была рассчитана на вечность! А потом наша вечность взяла и кончилась», а память человека оказывается в итоге, после всех этих пертурбаций «глубже его самого, и никто не может увидеть, что у нее на дне».

Можно сказать и больше: «Перевод с подстрочника» — про то, как история засосала героя в свой смертельный водоворот, «Собиратель рая» же — то, что он смог сохранить в закромах своей памяти после падения на самое дно. «Темное прошлое человека будущего», «Персонаж без роли», «Самоубийцы и другие шутники» — яркие персонажи, вспышки *Zeitgeist*, те тени на стенах Платоновской пещеры, что запомнились при ослепительно ярком и трагически безнадежном падении.

«Вместе со всей страной я пикировал на самое дно, ниже, чем тогда, я никогда не падал. Но были в этом падении и на этом дне такие взлеты и открытия, которые больше не повторились, такие люди, каких я после уже не встречал. Все было обжигающе новым, откровенным, страшным, неповторимым. Многое из того, что я узнал тогда о себе и других, я не смог бы узнать в ином, более благополучном, времени и месте». Итого, опыт дна оказался весьма

Предисловие

продуктивным. И даже вызывает ностальгию: «Вот только почему мне так не хватает тех, среди кого я был чужим? Особенно шантрапы из девяностых, среди которой жил на Сухаревской? Не за кем стало наблюдать? Что же остается?»

И здесь опять же немного сложнее, чем просто ностальгические воспоминания о днях своей молодости — хотя в тех эссе, что дальше, писатель и дает предельно откровенный, беспощадный буквально анализ молодости, старости, рефлексии о времени человека. «Возраст — не самая увлекательная тема, наблюдение за ним сравнимо с путевыми заметками, где путешественник старательно описывает места, в которых прежде не был, пытается понять их. Старение — медленное путешествие, не сходя с места — прочь из этого мира». Оставим пока эту тему, хотя и аналитически и стилистически отточенное оформление ее сообщает ей остроту scalpеля, но я сейчас о другом. О таком свойстве Жени, писателя и человека даже более, как любознательность, открытость, детский почти интерес к миру.

Все вышеперечисленное, казалось бы, обязательное свойство писателя, без этого и в профессию вход заказан. Да, но и нет — скольких приходилось встречать литераторов, не просто интровертных, это-то дело обычное, но совершенно закрытых к миру, другим, погруженных исключительно в себя, и все люки задраены наглухо, всплытие подводки не предусмотрено, воздух спертый. Хотя в этих эссе и сказано, что «мое любопытство к людям отделяет меня от них, а их от меня», и даже, что «чтобы сохранять любопытство, нужна поддерживаю-

щая его внутренняя сила, которая у меня на исходе», — это не так, у Жени оно было, сильное, веселое и задорное даже.

Чтобы доказать и показать, позволю себе небольшой мемуарный пассаж. Мы познакомились благодаря проекту Игоря Шулинского «Невидимки». Первый альманах вышел в 2017 году и был посвящен литературе и культуре девяностых. На соответствующих чтениях выступал Игорь Левшин, он меня, кажется, и позвал. И в курилке клуба, где все это происходило, высокий и седой человек с яркими темными глазами разговорился со мной. Очень быстро предложил перейти на «ты», что было мне несколько неожиданно и непривычно, учитывая разницу в возрасте, но быстро прижилось так, что даже ради книжной статьи называть его сейчас Евгением язык не привычен, только Женя, максимум — Соминский. В следующий раз — дело было уже в *Noor Bar* — спрашивал о моей работе с японским, кем и как я работаю. А потом, почти сразу, в «Невидимках» читал уже я: Игорь Шулинский, вот еще один открытый и всегда готовый на какие-то новые вещи человек, увидел книгу моих рассказов у другого Игоря, Левшина, взял прочесть и... И так как-то раз — и мы стали общаться, меня, даже без какой-либо инициации, приняли в компанию старых — и старше меня — друзей. И дело не только в том, что на поколенческой и писательской шкале я стоял заметно ниже, а в том — что Жене это было действительно интересно.

А потом как-то незаметно, ненавязчиво, очень естественно, как само собой разумеющееся начала

Предисловие

расти наша дружба. И образовался ее продукт — чат «Чествование 21» (это Илья Бражников звал всех изначально на свой день рождения в 2021 году), в просторечии — «наш чатик». Женя, Дима Данилов, Игорь Левшин, Илья Бражников и я (под конец еще и Николай Байтов, но эпизодически). Не знаю, пригодно ли это для издания и прочей коммеморации и архивации, но, я почти уверен, он был важен, приятен и даже поддерживающ для всех участников. Болтовня, закидывание каких-то новостей или фото, споры, поздравления, договоры о встречах и их, на следующее утро, обсуждение. И было очень жаль, когда «наш чатик» (можно, впрочем, и без кавычек, он заслужил) все же в последний год затух. Во-первых, из-за технических препон — один мессенджер блокировали, мы перешли в другой, но труднодоступен стал и он. Во-вторых, как-то повлияла и смерть Жени. Наш чатик — то, где Лена написала о гибели Жени буквально через минуты после случившегося. Это — как-то наложило отпечаток. И я совершенно не хочу нагнетать пафоса и говорить выспренние поминальные вещи — Женя бы вышутил их в первую очередь со всей своей подчас остро заточенной иронией, — но, возможно, именно после ухода Жени ушло что-то и из чата. Нет, мы все встречаемся, продолжаем общаться. Но что-то все же неуловимо ушло и самую малость, но критично сломалось. Задор Жени, его споры с Ильей («Илюшей»), искренняя радость за успехи Димы? Не знаю, понять, что именно, — значит разгадать загадку Жениной лукавой и радостной улыбки, разгадать загадку и очарование его книг. А какие-то

вещи должны, возможно, оставаться тайной. Пусть пока так и будет.

Жене же были интересны — люди. И не только — есть такое у писательской братии, когда в глазах собеседника буквально такой безмен, достаточно ли ты и твои истории оригинальны для его следующей книги, куда можно пристроить материал — в писательских корыстных целях, а просто интересен, любопытен. И даже неважно, что мы с ним обсуждали, это могли быть не глубокоумные литературные разговоры: общая любовь к Чорану, несколько настояренный интерес Жени к обожаемому мной Юнгеру, моя зависть, что Женя общался и даже брал интервью у Головина и т. п. А просто болтовня: о том, как ухаживать за розами и прочим огородом на даче, где так славно жить в тишине осени — на премию Женя отреставрировал родовой более, чем столетний дом жены, по тому же ленинградскому направлению ж/д, где дача и у меня, мы столько раз говорили, что я приеду в гости, но я так и не доехал, довольно близкое расстояние было чревато несколькими неудобными пересадками, вот придумаем потом, но на потом, как потом и становится понятно, откладывать ничего нельзя. Или даже сплетни (а писатели, если кто не знал, любят сплетничать о коллегах, иногда и пристрастнее старушек у подъезда). Он был живой — и ты сам становился живым в разговоре с ним. И многие становились. Что особенно было заметно — а яркие люди удивляют и после смерти, вообще продолжают действовать и оттуда, сводят в общей памяти и горе с чужими, казалось раньше, людьми, способствуют новым